

В. Л. Вайнгорт

Вайнгорт Владимир Леонтьевич — доктор экономических наук, **член правления**, консалтинговая фирма «Кардис», Таллин, Эстония.

Эл. почта: kardis@kardis.ee

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ — ЧЛЕНАХ ЕС (НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНИИ)

В странах Балтии (Эстонии, Латвии, Литве), ставших членами Евросоюза в начале 2000-х годов, нарастающее в обществе социальное неравенство вследствие деиндустриализации, декооперации, а также приватизации основных производственных фондов, жилья и земли — не привело к социальному взрыву и спустя четверть века после выхода этих стран из состава СССР не чревато им. Результаты исследования влияния трансформации социального неравенства на социальные процессы в Эстонии с 1992 по 2017 год отражены в настоящей работе. В ней показано, что связи экономического неравенства и социального взрыва не детерминированы, а носят стохастический характер в зависимости от ряда других факторов. В работе выстроена трёхмерная матрица факторов, влияющих на динамику социального напряжения. Кроме экономической дифференциации существенны: неравенство возможностей для личностной самореализации, а также неравный доступ к информации (в широком смысле — от ограничений доступа к информационным потокам и культуре до выезда за рубеж). Для изучения динамики социального напряжения постсоветский период с 1992 по 2017 год разделён на 5 этапов, по каждому из которых показан рост ВВП (на душу населения) и определено влияние всех трёх факторов на общественное настроение. Несмотря на значительный рост разрыва между богатыми и бедными (рост коэффициента Джини) высокий уровень экономической свободы в Эстонии (занимающей постоянно 7 или 8 место в соответствующем рейтинге) и возможность свободного трудоустройства в странах ЕС для креативной молодёжи, а также абсолютно свободный доступ ко всем источникам

информации при наличии широкого спектра негосударственных инфоресурсов — снимают социальное напряжение.

Ключевые слова: социальное неравенство и социальная напряжённость в Эстонии, составляющие социального неравенства.

V. Vaingort

Vaingort Vladimir Leontyevich — Doctor of economic sciences, Member of the Board, consulting firm «Kardis», Tallinn, Estonia.

E-mail: kardis@kardis.ee

STUDY OF TRANSFORMATIONS OF SOCIAL INEQUALITY IN THE POST-SOVIET EU MEMBER STATES (USING THE EXAMPLE OF ESTONIA)

In the Baltic countries (Estonia, Latvia, Lithuania), which became members of the European Union in the early 2000s, the growing social inequality in society due to deindustrialization, decooperations, and the privatization of fixed assets, housing and land - did not lead to a social explosion and a quarter later century after the withdrawal of these countries from the USSR is not fraught with them. The results of the study of the impact of the transformation of social inequality on social processes in Estonia from 1992 to 2017 are reflected in this paper. It shows that the links between economic inequality and social explosion are not deterministic, but are stochastic depending on a number of other factors. A three-dimensional matrix of factors which affect the dynamics of social tension is offered in the work. Alongside with economic differentiation, there are other significant factors: inequality of opportunities for personal self-realization and unequal access to information (in a broad sense - from restricted access to information flows and culture to travel abroad). To study the dynamics of social tension, the post-Soviet period from 1992 to 2017 is divided into 5 stages. For each GDP growth per capita is provided, as well as the impact of all three factors on the public mood is defined. Despite the significant increase in the gap between the rich and the poor (the growth of the Gini coefficient), the high level of economic freedom in Estonia (which occupies 7th or 8th place in the respective rating) and the possibility of free employment for creative youth in the EU countries, as well as absolutely free access to all information sources with a wide range of non-state media, relieve social tension.

Keywords: social inequality and social tension in Estonia, components of social inequality.

*****

Из бывших республик СССР в составе ЕС находятся: Эстония, Латвия и Литва. Все они к моменту выхода из СССР имели самый высокий уровень потребления и социально-гомогенное общество советского среднего класса. После 1991 года в ставших самостоятельными странах Балтии началась быстрая социально-экономическая дифференциация вследствие деиндустриализации в городах и декооперации в деревнях, а также ликвидации высокоэффективных кооперативных структур „Межколхозстроя“ и потребительской кооперации¹. Развитие и социально-экономические последствия этого процесса в Эстонии стали предметом настоящего исследования.

В многочисленных работах рост социального неравенства рассматривается как важнейший фактор социального протеста. Утверждения вроде того, что „когда бедность и социальное неравенство достигают определённого предела, возникает революционная ситуация и происходит социальная революция“² чаще всего воспринимаются в качестве истины не требующей доказательств. Но представления о наличии такой жесткой детерминированной связи не подтверждаются опытом четвертьвекового постсоветского развития. Появляются работы, где зависимости между экономическим положением масс и социальным взрывом рассматривается как вероятностные, носящие стохастический характер. Например, А. В. Юревич³ критикует объяснение причин социальных революций преимущественно экономическими причинами (важнейшая из которых — социальное неравенство), полагая необходимым более комплексный подход к анализу, факторов, обуславливающих социальный взрыв. Он согласен с Майклом Киммелем, что необходимо „вернуть людей в революционное уравнение“. Хорошо бы, добавим, вернуть человеческое

---

¹Kotz D. M. Diversified Economy in Russia // Вольная экономика. 2018. № 5. С. 40.

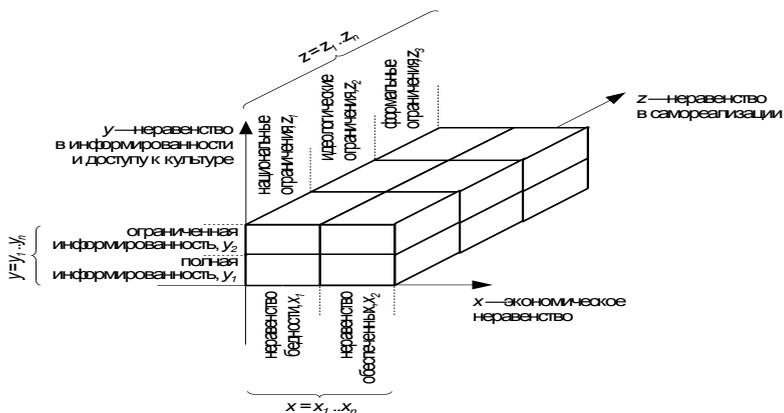
²Соколов С. В. Социология истории. Монография. 2017. См. также: Иглтон Т. Почему Маркс был прав. 2017. С. 11-22.

³Юревич А. В. Социальная психология революции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 4. С. 110-132.

измерение и в анализ факторов сложных социальных процессов. В частности, в представление о социальном неравенстве⁴.

Исследования, проведённые автором, показывают, что по отношению к отдельно взятому человеку социальное неравенство можно представить в виде трёхмерной матрицы, которая — в свою очередь — позволяет представить стратификацию общества в виде сложной объёмной взаимопроникающей структуры (показанной на рисунке 1).

Рис. 1. Матрица факторов социального неравенства личности

В этой матрице социального неравенства одна из осей отражает экономическое неравенство дифференцируемое, например, Петером А. Бергером (Университет Ростока), как „неравенство бедности“ и „неравенство обеспеченных“⁵. Первое подразделение, в свою очередь, включает группу тех, кому не хватает „экономического капитала“ (термин П. Бурдьё), чтобы оказаться выше черты прожиточного минимума (обозначающей абсо-

⁴Vester M., von Oertzen, P., Geiling H. u.a. Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel. 2011. См. также: *Deutscher I.* The Future of Russian Society. Dissent. 1954. I, 3 (Summer). С. 221-234.

⁵Бергер П. А. Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств — недопонимание и предложения по его устранению // Сборник «Социальное неравенство». 2008. С. 14-25.

лютную бедность) и группу тех, кто в состоянии обеспечить себе только жизненно важное потребление. „Неравенство обеспеченных“ охватывает несколько экономических групп т. н. среднего класса. И, наконец, возможно „неравенство богатых“ означающее группу населения способную вести накопление сверх нормальных потребностей. На второй оси отразим информационное и культурное неравенство. И на третьей — неравенство возможностей личностной самореализации.

Такая дифференциация поможет объяснить социальное недовольство, проявившееся в девяностые годы на всём советском пространстве, но не только не повлёкшие социального взрыва, а даже „не дотянувшего“ до сколь-нибудь заметного социального протеста. Социальное напряжение позднесоветского периода менее всего объясняется экономическим неравенством. В конце 70-х годов в европейской части СССР и восточноевропейских его сателлитах образовался преобладающий по доле включенного в него населения средний класс. Не было ни „бедности бедных“, ни „богатства богатых“. Быт советского общества вполне оправдывало название „гуляш-социализма“. Не только в части потребления основных продуктов и вещей, но также в части доступности бесплатного образования и квалифицированных медицинских услуг. Некоторое преимущество в потреблении слоя номенклатуры (вопреки расхожему более позднему мнению) не носило радикального характера и не мотивировало социальный взрыв.

Больше раздражения в обществе вызывала информационная дифференциация: например, „Белый“ и „Голубой атлас“ (еженедельники ТАСС „для служебного пользования“), подписка на вполне идеологически-вегетарианские журналы „Америка“ и „Англия“ по спискам, утверждаемым партийными комитетами областей и республик. Раздражала идеологическая цензура в культурной сфере. Невозможность временного (включая туристский) выезда в другие страны; специальные системы распределения культурной продукции от литературы до театральных билетов и т. п. Шутка о стилистических расхождениях образованной части общества с советской властью отражала существо дела. И, наконец, раздражение вызывали „стеклянные потолки“ сдерживавшие возможности самореализации по самым разным формальным признакам: партийной принадлежности; национальности; демонстрации отношения к власти и т. д. На основе этих противоречий складывались разные мифологии: официальная и оппозиционная (латентная). Гуру институционализма Дуглас Норт писал: „в любом построенном на идеологической основе обществе насту-

пает время разложения формальных правил и нарастает роль латентных отношений, ориентированных на иные ценности⁶. Примером такого вектора движения был чёрный рынок жилья, где „ответственные квартиросъёмщики“ в латентной сфере выступали квазисобственниками, оперировавшими квартирами с помощью всем известных серых схем⁷. Такое состояние общества дало основание Руслану Гринбергу написать: „Мы хотели социализма с человеческим лицом, а теперь хотим капитализма с человеческим лицом. В конечном итоге мы хотели справедливого общества. И чтобы человек был не только сыт, обут, одет, но и чтобы был свободен. Этого нам не хватало в середине 1980-х“⁸.

Без экскурса в позднесоветское социальное неравенство трудно понять, что происходит с проявлениями неравенства в постсоветский период. Анализируя процессы происходящие в обществе Эстонии за 1991—2016 гг. можно выделить несколько этапов, связанных с экономическим и социальным развитием страны и соответствующими трансформациями неравенства.

На рисунке 2 показано движение ВВП Эстонии на душу населения (в долларах США) с 1992 по 2016 год, и разделением на пятилетние этапы с характеристикой социального неравенства по каждому из этапов⁹.

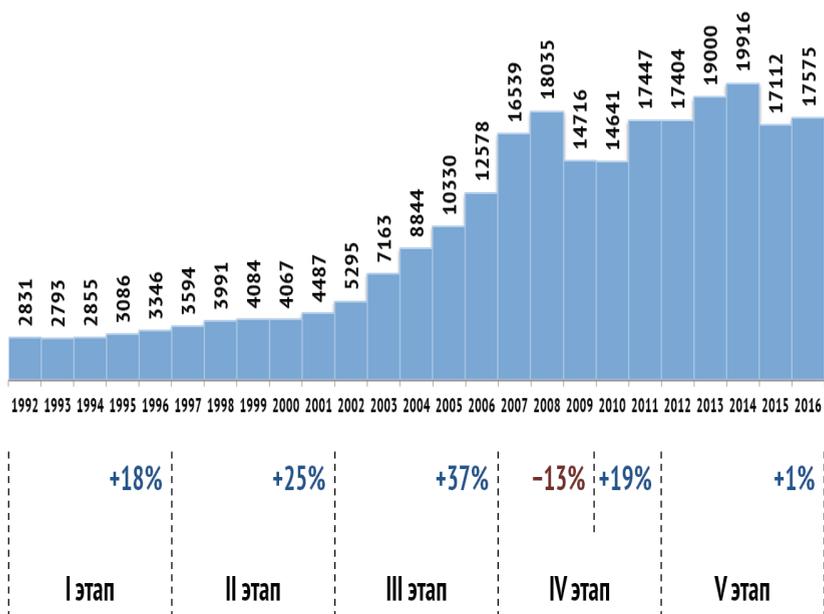
⁶Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки, концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. 2011. См. также: Гончарова Т. Н. Будущее российско-европейских отношений: прогноз экс-президента Французской республики Валери Жискара д'Эстена // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 3. С. 208–213.

⁷Тимофеев Л. М. Чёрный рынок как политическая система. 1993.

⁸Гринберг Р. С. Круглый стол «Мир перемен: возможное и невозможное» // Социализм после социализма. 2011. С. 9.

⁹Leesment M. Kas raha teeb õnnelikuks ehk sissetuleku ja eluga rahulolu vaheline seos Eestis ja Euroopa riikides // Sotsiaaltrendid 7. 2016. С. 6-23.

Рис. 2

I этап 1992—1996 гг. Экономического неравенства нет, с учётом незначительности предельной суммы обмена рублей на эстонские кроны, обеспечившей равенство в бедности. Доступ к информации и культуре максимально открыт. Самореализация максимальна. Тема социального неравенства снята.

II этап 1997—2001 гг. Удвоение ВВП на душу населения происходит за счёт быстрого роста доходов всего населения в результате: транзита через Эстонию российских цветных и чёрных металлов, удобрений, леса; а также распродажи военного имущества деградирующими частями бывшей Советской армии. Тема социального неравенства всё ещё не возникает. Советская „техническая интеллигенция“, „совслужащие“ и „рабочий класс“ в равной мере свободно реализуют себя как *Ното есопотискус* наполняя пустующий рынок с помощью „челночных“ товарных маршрутов и продвижения услуг финских, шведских и т. п. фирм.

III этап 2002—2006 гг. Трёхкратный взрывной рост ВВП. Характер общества на этом этапе определяет быстро растущий средний класс. Факторы: приватизация жилья, широкая приватизация основных фондов промышленности, ипотечное кредитование. Информационное насыщение рынка за счёт кабельных сетей, а также возможностей новой печатной техники — безбрежно. Некоторые этноязыковые ограничения в самореализации представителей меньшинств не носят массового характера. Существенным фактором привлечения инвестиций является освобождение от подоходного налога прибыли предприятий.

IV этап 2007—2011 гг. В течение двух лет — быстрый рост, затем обвал ВВП в 2009—2010 гг. на 25 % за 2 года (самое крупное падение в ЕС) в результате лопнувшего ипотечного перегрева экономики. Попытка в 2007 году снять экономическое напряжение за счёт искусственного „раздувания“ этнического конфликта (перенос памятника и „Бронзовая ночь“ полицейского произвола). Остановка социальных лифтов по этноязыковому признаку — всё вместе способствует росту неуверенности и страха выпасть из среднего класса в малообеспеченные слои. Общество оказывается в ситуации расширяющегося ресентимента. Усиливается атомизация и безверие.

V этап 2012—2016 гг. Социальное напряжение частично снимается за счёт миграции из страны креативной, квалифицированной рабочей силы. Остающиеся по разным причинам работники быстро превращаются в прекариат. Частично социальное напряжение снимается за счёт быстрой смены властных элит и скандалов, в которых оказываются замешаны почти все крупные политики. Растёт политический популизм. Растерянное общество не дееспособно. Экономическое неравенство проявляется в базовых сферах жизнеобеспечения и, прежде всего, в жилищной сфере, где почти четверть квартирособственников не способна оплачивать подорожавшие за 20 лет на два порядка коммунальные услуги¹⁰.

VI этап, начинающийся в 2017 году, отмечен изменением экономической парадигмы: за счёт налоговой реформы (трёхкратном повышении необлагаемого налогом дохода физических лиц) поднимается покупательная способность наиболее малообеспеченной части населения. Прогнозируется рост малого бизнеса, за счёт чего ожидается 4%-й рост ВВП.

---

¹⁰*Вайнгорт В. Л.* Двадцать лет спустя: анализ постриватизационной жилищной политики Эстонского государства // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». 2015. Т. 3, ч. 1. С. 88-95.

На первый план выходит проблема молодёжной миграции (Эстония успешно „экспортирует безработицу“). Внутри страны безработица сменяется кадровым дефицитом и началом миграционного потока из бедных стран, который придаёт новую окраску прекариату. В политической сфере побеждает откровенный популизм. В общественном сознании всё ещё сильна мифология о „советской несвободе“, препятствующей росту левой мифологии.

Об отсутствии детерминированной связи между ростом социального неравенства и динамикой социального напряжения свидетельствует также размер „коэффициента Джини“, который никак не привёл к социальному напряжению на соответствующих этапах. Хотя, во втором десятилетии двухтысячных годов доля в совокупных доходах 10 % самых бедных около 1,2 %, а 10 % самых богатых — 26,2 % (разница более, чем десятикратная).

Можно предположить, что компенсатором социального напряжения в те же годы является высокий уровень предпринимательской свободы. В рейтинге стран по индексу экономической свободы (рассчитываемом американским исследовательским центром Heritage Foundation и газетой Wall Street Journal) Эстония на протяжении 2000-х годов находится в первой десятке из 43 стран европейского региона. За 2017 год — у Эстонии 8 место, впереди Дании и Голландии¹¹.

В Эстонии после вступления в ЕС (2004 год) возможна регистрация коммерческих товариществ без вноса в капитал, с одним собственником. Прибыль юридических лиц не облагается подоходным налогом. Проценты по банковским кредитам — одни из самых низких. Но при этом почти четверть семей имеет доходы ниже черты бедности, а это означает низкий уровень потребления и потому малый бизнес не может найти места на рынке товаров и услуг, но молодые креативные жители страны постоянно „пытают счастья“, прежде, чем воспользоваться реальной свободой для самореализации вне Эстонии в странах ЕС с более высоким уровнем потребления.

Миграционная перспектива прекариатизует основную массу работоспособного населения. А в среде стареющего населения, составляющего большую долю на рынке труда, ширится ресентиментное мировоззрение, которое гасит проявления социального протеста, одновременно способствуя росту мифологических представлений и надежд под влиянием

¹¹Индекс экономической свободы // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_экономической_свободы.

мощной популистской обработки со стороны партий, на самом деле представляющих конкурирующие бизнес-проекты. Сменяясь у власти (особенно часто во втором десятилетии двухтысячных годов), эти структуры вынуждены решать социальные задачи (в том числе путём повышения налогового давления на обеспеченные слои). При этом реализуются вполне успешные проекты за счёт создания и развития общественных фондов потребления. Среди них: полностью бесплатный городской общественный транспорт; строительство в нарастающих размерах социального жилья; почти полное удовлетворение на европейском уровне в домах содержания престарелых; полностью бесплатное образование, включая высшее.

Поскольку население Эстонии видит успешный уровень социально-го развития в соседней Финляндии и Швеции (куда уезжает эстонская молодёжь) и видит, что тренд развития социальной сферы идёт в этом направлении — это также является сильным фактором того, что социальное неравенство не перетекает в социальное напряжение. О таком состоянии общества свидетельствуют также данные Европейского социального исследования (ESS), приведённые в статье А. В. Андреевской¹² „Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межстрановом контексте“, где видно, что в Эстонии (как и в двух других Балтийских странах) социальное напряжение не достигает сколь-нибудь заметной величины.

---

¹²Андреевская А. В. Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межстрановом контексте // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 18-30.

ЛИТЕРАТУРА

Андреенкова А. В. Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межстрановом контексте // *Общественные науки и современность*. М.: Наука, 2017. № 5. С. 18-30.

Бергер П. А. Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств — недопонимание и предложения по его устранению // Сборник «Социальное неравенство» / Под ред. В. Воронкова, М. Соколова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 14-25.

Вайнгорт В. Л. Двадцать лет спустя: анализ постриватизационной жилищной политики Эстонского государства // *Материалы VII Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики»*. Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2015 года. СПб, 2015. Т. 3, ч. 1. С. 88-95.

Гончарова Т. Н. Будущее российско-европейских отношений: прогноз экс-президента Французской республики Валери Жискар д'Эстена // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2013. № 3. С. 208–213.

Гринберг Р. С. Круглый стол «Мир перемен: возможное и невозможное» // *Социализм после социализма* / Под ред. М. И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 9.

Илтон Т. Почему Маркс был прав. / Пер. с англ. П. Норвилло. М.: Карьера Пресс, 2017. 288 с.

Индекс экономической свободы // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_экономической_свободы (дата обращения: 16.04.2018).

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки, концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.

Соколов С. В. Социология истории. Монография. М.: Проспект, 2017. 352 с.

Тимофеев Л. М. Черный рынок как политическая система. Вильнюс — Москва: ВИМО, 1993. 272 с.

Эстония — Коэффициент Джини, 1960—2017 // knoema.com [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/Эстония/Коэффициент-Джини> (дата обращения: 16.04.2018).

Юревич А. В. Социальная психология революции // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2006. Т. 3, № 4. С. 110-132.

Deutscher I. The Future of Russian Society // *Dissent*. 1954. I, 3 (Summer). P. 221-234.

Kotz D. M. Diversified Economy in Russia // *Вольная экономика*. М.: Вольное экономическое общество России, 2018. № 5. С. 40—41.

Leesment M. Kas raha teeb õnnelikuks ehk sissetuleku ja eluga rahulolu vaheline seos Eestis ja Euroopa riikides // *Sotsiaaltrendid* 7. Tallinn: Statistikaamet, 2016. С. 6-23.

Vester M., Oertzen P. von, Geiling H. u.a. Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2011.

REFERENCES

Andreenkova A. V. *Predstavlenija o spravedlivosti i jekonomicheskom neravenstve v sravnitel'nom mezhranovom kontekste [Perception of Fairness and Economic Inequality in Comparative Cross-national Context]* in *Obshhestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*. Moscow: Nauka Publ., 2017. № 5. P. 18-30. (In Russian)

Berger P. A. *Individualizatsija i izmenenie znachenija sotsial'nyh neravenstv — nedoponimaniye i predlozhenija po ego ustraneniu [Individualisation and change of social inequalities meaning — miscommunication and proposals for its remedy]* in *Sotsialnoe neravenstvo [Social inequalities]*. Edited by V. Voronkov, M. Sokolov. Saint Petersburg: Aletejja Publ., 2008. P. 14-25. (In Russian)

Deutscher I. *The Future of Russian Society in Dissent*, 1954. I, 3 (Summer). P. 221-234.

Eagleton T. *Pochemu Marks byl prav [Why Marx Was Right]*. Trans. by P. Norvillo. Moscow: Kar'era Press Publ., 2017. 288 p. (In Russian).

Goncharova T. N. *Budushhee rossijsko-evropejskih odnoshenij: prognoz jeks-prezidenta Francuzskoj respubliki Valeri Zhiskar d'Jestena [The future of Russian-European relations: the forecast of the President of the French Republic Valérie Giscard d'Estaing]*, in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of Saint-Petersburg University]. Istorija [History]*. 2013. № 3. P. 208–213. (In Russian)

Grinberg R. S. *Kruglyj stol «Mir peremen: vozmozhnoe i nevozmozhnoe» [Round table «World of change: possible and impossible»]* in *Socializm posle socializma [Socialism after socialism]*. Edited by M. I. Voejkov. Saint Petersburg: Aletejja Publ., 2011. P. 9. (In Russian)

Jestonia — Kojefficient Dzhini, 1960—2017 [Estonia — Gini coefficient] in knoema.com. URL: <https://knoema.ru/atlas/Эстония/Коэффициент-Джини> (16.04.2018). (In Russian)

Indeks jekonomicheskoj svobody [Index of Economic Freedom] in Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_экономической_свободы (16.04.2018). (In Russian)

Jurevitch A. V. *Sotsial'naja psihologija revoljutsii [Social psychology of a revolution]* in *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [The Psychology. Journal of Higher School of Economics]*. 2006. V. 3, № 4. P. 110-132. (In Russian)

Kotz D. M. *Diversified Economy in Russia in Vol'naja jekonomika [Free Economy]*. Moscow: Vol'noje jekonomicheskoe obshhestvo Publ., 2018. № 5. P. 40-41.

Leesment M. *Kas raha teeb õnnelikuks ehk sissetuleku ja eluga rahulolu vaheline seos Eestis ja Euroopa riikides [Does money make you happy? Correlation between income and life satisfaction in Estonia and European countries]* in *Sotsiaaltrendid 7 [Social trends 7]*. Tallinn, Statistikaamet Publ., 2016. P. 6-23. (In Estonian)

Nort D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. *Nasilie i sotsial'nye porjadki. Kontseptual'nye ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Moscow: Institut Gajdara Publ., 2011. 480 p. (In Russian)

Sokolov S. V. *Sotsiologija istorii. Monografija [History's sociology. Monograph]*. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 352 p. (In Russian)

Timofeev L. M. *Cernyj rynek kak politicheskaja sistema [Black market as a political system]*. Vilnius — Moscow: VIMO Publ., 1993. 272 p. (In Russian)

Vaingort V. L. *Dvadcat' let spustja: analiz postprivatizatsionnoj zhilishhnoj politiki Jestsnskogo gosudarstva [Twenty years later: analysis of the post-privatization housing policy]* in *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Gosudartvo i biznes. Sovremennye problemy jekonomiki»*. Sankt-Peterburg, 22-24 aprelja 2015 goda [Materials of the VII International scientific-practical conference «State and Business. Modern economic issues»]. Saint Petersburg, 2015. V. 3, pt. 1. P. 88-95. (In Russian)

Vester M., Oertzen P. von, Geiling H. u.a. *Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Publ., 2011.